

Сказка о золотой горѣ.

Жиль-быль царь. Далъ ему Богъ трехъ сыновей. Старшій — Димитрій-царевичъ, второй Василій-царевичъ, а самый младшій—Иванъ-царевичъ.

Разъ вышли царь съ царицей въ садъ погулять. Нежданно-негаданно поднялся вихрь и унесъ царицу у мужа на глазахъ. Горе его обуяло. Какъ бѣдѣ помочь? Вернулся царь во дворецъ, созвалъ сыновей и говорить имъ:

— Дѣти мои милыя! Послалъ намъ Господь бѣду. Гулялъ я сейчасъ съ царицей по саду; вдругъ, откуда ни возмись, вихрь поднялся, подхватилъ ее и унесъ невѣдомо куда. Нѣтъ у меня больше жены, а у васъ матери. Надо вамъ собраться въ путь-дорогу: можетъ, еще и вызволимъ ее.

Живо собрались старшіе сыновья, взяли съ собой слугъ и поѣхали.

Ждутъ ихъ дома мѣсяцъ, ждутъ и два. Ни слуху, ни духу: безъ вѣсти оба царевича пропали. Еще пуще затосковалъ царь: «Не видать мнѣ больше ни жены, ни дѣтей! Видно, нѣтъ ужъ ихъ на бѣломъ свѣтѣ, что не шлютъ отцу вѣсточки!»

Вотъ приходитъ къ царю самый младшій сынъ, Иванъ-царевичъ, и говоритъ:

— Пришелъ я, батюшка, проститься съ тобой. Поѣду въ дальній путь: искать матушку съ братьями.

Испугался царь. Одинъ сынъ остался, и тотъ его покинуть хочетъ.

— Нѣтъ,—говорить,—Иванъ-царевичъ, не отпущу я тебя. Ты у меня младшій сынъ. Твоя мать и братья

старшіе безъ вѣсти пропали, и ты не вернешься. Нѣтъ, останься хоть ты мнѣ на утѣшеніе!

Не послушалъ отца Иванъ-царевичъ, взялъ съ собой только четверыхъ слугъ и поѣхалъ мать съ братьями отыскивать.

Ѣхалъ, ѣхалъ Иванъ-царевичъ и пріѣхалъ на поле; посреди поля шатерь стоитъ, а въ шатрѣ братья сидятъ. Подъѣхалъ къ нимъ Иванъ-царевичъ и говоритъ:

— Что-жъ это вы, братцы мои родные! Развѣ такъ надо матушку искать?

Стыдно стало старшимъ царевичамъ: тутъ же слугу отправили царя утѣшить, сказать, что Иванъ-царевичъ братьевъ нашель, и поѣхали всѣ вмѣстѣ мать искать.

Долго-ли, коротко-ли ѣхали братья черезъ чужія земли и пріѣхали къ высокой горѣ, а гора-то вся изъ золота,—какъ жаръ горить.

Говорить братьямъ Иванъ-царевичъ:

— Ну, вы, братцы, здѣсь оставайтесь, а я пойду ходъ въ золотую гору отыскивать.

Ходилъ онъ, ходилъ вокругъ всей горы, наконецъ ходъ отыскалъ и вошелъ туда. А въ горѣ-то нашлись когти на руки и на ноги.

Захватилъ ихъ съ собой Иванъ-царевичъ и вышелъ къ братьямъ:

— Слушайте,—говорить,—я одинъ на гору полѣзу, а вы меня ждите девять дней. Если не вернусь, знайте: нѣтъ меня на бѣломъ свѣтѣ. А коли живъ буду, вѣсть о себѣ пришлю. Вы же къ батюшкѣ поѣзжайте и все ему расскажите.

Одѣлъ Иванъ-царевичъ когти на руки и на ноги и полѣзъ на гору.

Вскарабкался на самый верхъ, видитъ—стоитъ высокій дубъ. Сѣлъ Иванъ-царевичъ подъ дубъ отдохнуть, а когти снялъ и рядомъ положилъ. Оглянулся, а когтей нѣтъ, какъ нѣтъ.

Посидѣлъ онъ подъ дубомъ, поотдохнулъ и пошелъ опять бродить по золотой горѣ. Гулялъ, гулялъ, вдругъ видитъ передъ собой мѣдный колодезь; два мѣдные ковша въ немъ плаваютъ, а рядомъ два тигра лежатъ, пасть раскрыта, дышатъ тяжело,—пить хотятъ. Лежатъ и проходу не даютъ. Подошелъ Иванъ-царевичъ къ звѣрямъ, взялъ ковшъ, напоилъ ихъ,—они ему сразу дорогу дали. Пошелъ онъ дальше, пришелъ къ

серебряному колодцу; въ колодцѣ два серебряныхъ же ковша плаваютъ, а рядомъ два льва лежатъ, пить хотятъ и пройти не даютъ. Опять напоилъ звѣрей Иванъ-царевичъ, дали они ему дорогу и пошелъ онъ себѣ дальше. Шелъ, шелъ и приходитъ къ высокой серебряной стѣнѣ; за стѣной городъ виденъ, весь изъ чистаго серебра, такъ и сіяетъ.

Иванъ-царевичъ долго не думалъ: отыскалъ въ стѣнѣ ворота, вошелъ и очутился въ серебряномъ царствѣ. Видитъ: стоитъ дворецъ; онъ и туда заглянулъ, а во дворцѣ-то стоитъ царевна въ серебряномъ платьѣ. Увидала она Ивана-царевича, да какъ закричитъ:

— Что за человѣкъ? Какъ сюда попалъ? Зачѣмъ пришелъ?

— Матушку ищу,—говоритъ Иванъ-царевичъ.

Испугалась царевна:

— Ступай,—говоритъ,—лучше отсюда поскорѣе! Сейчасъ Вихорь прилетитъ и ты даромъ смерть примешь, а матери не найдешь. Видно и ее, какъ меня, Вихорь унесъ, только невѣдомо, гдѣ спряталъ. А ты иди лучше въ золотое царство, оно тутъ близко будетъ. Тамъ во дворцѣ царевну увидишь. Не поможетъ ли она тебѣ мать отыскать? А назадъ съ горы пойдешь, не забудь за мной придти, съ собой возьми.

Дала она тутъ царевичу серебряное яичко, да не простое, а волшебное: имъ все серебряное царство держалось. Простился съ ней царевичъ и дальше пошелъ.

Вотъ пришелъ онъ въ золотое царство и нашелъ во дворцѣ дѣвицу красоты неописанной. Увидала она его, испугалась, закричала:

— Уходи скорѣе, коли жизнь тебѣ мила! Не попадайся Вихрю! Каждый день онъ сюда летаетъ.

Разсказалъ Иванъ-царевичъ, зачѣмъ пришелъ, а она говоритъ:

— Нѣтъ здѣсь твоей матери. Иди въ хрустальное царство. Тамъ ее и найдешь.

Дала она царевичу на прощаніе золотое яичко и тоже просила съ собой ее взять, какъ назадъ пойдеть. И такъ они другъ другу полюбились, что тутъ же кольцами помѣнялись. Потомъ простился Иванъ-царевичъ съ невѣстой и скорѣй въ хрустальное царство отправился.

Прибыль онъ въ хрустальное царство и только вошелъ во дворецъ, какъ мать увидаль. Обрадовался Иванъ-царевичъ, кинулся къ ней, а она не узнаеть его, прочь гонить:

— Уходи,—говорить,—скорѣй, человѣче, а то пропадешь! Каждый часъ Вихорь ко мнѣ летаетъ!

Сталъ ей Иванъ-царевичъ рассказывать, какъ онъ съ братьями ее искать поѣхалъ. Тутъ только его мать узнала, обняла, заплакала и говорить:

— Дитятко ты мое родимое! Не ждала я такого счастья! Много здѣсь богатства: и серебра, и золота, и камней самоцвѣтныхъ, а ничему душа не радуется: извела меня тоска по отцѣ твоемъ, да по дѣткамъ моимъ. А ты, сынокъ, теперь садись ко мнѣ подъ кресло: сейчасъ Вихорь прилетитъ. Станетъ онъ меня допрашивать, отчего русскимъ духомъ пахнетъ. Я ему ничего не скажу, а онъ все будетъ отвѣта просить и на колѣни упадетъ. А ты не зѣвай,—схвати его за палицу, да покрѣпче. Тутъ онъ полетитъ и будетъ съ тобой вверху и внизъ кидаться и просить, чтобъ ты палицу отдалъ, а ты все держись крѣпче. И взовьется онъ съ тобой въ поднебесье, а потомъ на землю бросится и въ куски разобьется. Ты всѣ куски собери, сожги и пепель въ землю зарой, а потомъ съ палицей ко мнѣ вернись.

Только спрятался Иванъ-царевичъ, какъ Вихорь прилетѣлъ. Запомнилъ царевичъ матушкины рѣчи и все сдѣлалъ, какъ по писанному; не выпустилъ онъ палицы изъ крѣпкихъ рукъ, а какъ Вихорь на куски разсыпался, куски сжегъ и пепель въ землю зарылъ, а съ палицей къ матери вернулся.

Пошли они изъ хрустальнаго царства; по дорогѣ заходили въ золотое и серебряное; освободилъ Иванъ-царевичъ обѣихъ дѣвицъ, а львовъ и тигровъ выпустилъ.

Вотъ пришли они съ царевнами къ тому мѣсту, гдѣ Иванъ-царевичъ на гору влѣзалъ и остановились. Какъ на землю спуститься? Загоревала царица и Иванъ-царевичъ призадумался. А царевны говорятъ:

— Не найдется-ли въ яичкахъ холста?

Повертѣли яички, открыли и давай холстъ вытягивать: вышло холста видимо-невидимо. Сшили его и серебряную царевну на немъ съ горы спустили. Подняли холстъ на гору, глядь, а на немъ братья на-

писали, что внизу дожидаются. Спустили золотую царевну, а потомъ и царицу. Только она на землю спустилась, какъ царевичи холстъ отрѣзали и въ обратный путь собрались. А матери велѣли царю сказать, что не Иванъ-царевичъ ее освободилъ, а старшіе сыновья.

Собрался Иванъ-царевичъ спускаться, потянулъ холстъ, видитъ—отрѣзали. Закручинился онъ и пошелъ назадъ въ хрустальное царство. Пришелъ во дворецъ, сѣлъ на мѣсто матери и давай отъ скуки палицу изъ одной руки въ другую перебрасывать. Вдругъ что-то зашумѣло и всталъ передъ нимъ Вихорь:

— Что тебѣ нужно, Иванъ-царевичъ?

— Да что?—говоритъ царевичъ,—какъ мнѣ теперь на землю сойти? Хоть вѣкъ здѣсь вѣковать.

Только онъ это вымолвилъ, какъ Вихорь мигомъ его подхватилъ и на землю перенесъ.

Пошелъ царевичъ домой. Идетъ, не торопится, тяжкую думу думаетъ. Встрѣчается ему сапожникъ.

Говоритъ ему Иванъ-царевичъ:

— Дядя, а дядя! Возьми меня въ работники.

— Что ты, братецъ!—говоритъ сапожникъ. Развѣ я хозяинъ? Что заработаю, едва кормиться хватаетъ. Гдѣ ужъ мнѣ работниковъ держать. Вотъ я какой богачъ!

— Ничего,—отвѣчаетъ царевичъ,—возьми, дядя! Я безъ жалованья пойду.

Сталъ Иванъ-царевичъ жить у сапожника.—Работаетъ такъ, что хозяинъ только дивится. Шьетъ такіе башмаки, какіе на Золотой горѣ видѣлъ; покупаютъ ихъ у сапожника нарасхватъ. А царевичу-то волшебная палица помогала.

Началъ народъ о сапожникѣ поговаривать; дошелъ слухъ и до царицы (она къ тому времени ужъ домой вернулась.) Велѣла она позвать сапожника и заказала ему 12 паръ башмаковъ въ одну ночь приготовить.

Пришелъ сапожникъ домой и сидитъ хмурый, ни на кого не глядитъ.

— Что ты, хозяинъ, пригорюнился?—спрашиваетъ Иванъ-царевичъ.

— Какъ мнѣ не горевать?—говоритъ сапожникъ.—Велѣла мнѣ царица 12 паръ башмаковъ къ утру приготовить, а мнѣ и пары-то такихъ въ недѣлю не сдѣлать!

— Полно, хозяинъ,—говоритъ царевичъ.—Помолись-ка Богу, да ложись спать: утро вечера мудренѣе.

Вышелъ онъ на дворъ, перебросилъ палицу изъ руки въ руку и сказалъ, чтобы были готовы 12 паръ башмаковъ.

Утромъ отдалъ онъ хозяину готовые башмаки, а тотъ, веселый, пошелъ во дворецъ заказъ отдавать.

Посмотрѣла царица на башмаки, потомъ на сапожника и спрашиваетъ:

— Самъ ты работаль?

— Самъ, да еще работникъ помогаль.
Подумала царица.

— Ну,—говорить,—сшей ты мнѣ къ завтрашнему дню 12 паръ платьевъ.

Испугался сапожникъ.—Помилуйте,—говорить,—какъ я сошью? Я вѣдь сапожникъ, а портняжнаго ремесла не знаю!

— Не разговаривать! Чтобъ къ утру были платья готовы!

Совсѣмъ опечалился сапожникъ. «Ну,—думаетъ,—пропала моя головушка! Теперь ужъ никто не поможетъ.» Припелся онъ домой и все работнику разсказалъ. Опять его утѣшилъ Иванъ-царевичъ и спать послалъ. Утромъ проснулся сапожникъ, а платья готовы, да такія, что глазъ не отведешь.

Обрадовался сапожникъ, понесъ заказъ, а царица только поглядѣла на платья и новый приказъ отдаетъ: въ одну ночь противъ дворца церковь выстроить, а къ ней чтобы хрустальный мостъ шелъ, весь бархатомъ устланный.

И тутъ выручилъ сапожника Иванъ-царевичъ: выросла въ одну ночь церковь всѣмъ на диво и къ ней мостъ хрустальный, бархатомъ устланный. А утромъ послалъ царевичъ хозяина вколотить послѣдніе гвоздики.

Видитъ царица, что ничего ей такъ не добиться, хоть и ясно, что дѣло не спроста. И приказала она сапожнику работника къ ней прислать.

Пришелъ Иванъ-царевичъ во дворецъ, провели его къ царицѣ. А у той какъ разъ царевна изъ золотого царства сидѣла; съ ней уже старшій братъ, Димитрій-царевичъ, помолвленъ былъ. Увидала она Ивана-царевича, кинулась ему на шею:

— Вотъ онъ,—говоритъ,—мой настоящій женихъ!

Тутъ сразу все и открылось: всѣ хитрости старшихъ царевичей на свѣтъ вышли. Разгнѣвался на нихъ отецъ и прогналъ изъ своего царства. А Иванъ-царевичъ на своей невѣстѣ женился и зажили они припѣваючи.